

Что можно сказать о книгах Мэтта Хейга?
Это просто блестяще!

Children's BBC

Мэтт Хейг

БУДЬ
СОБОЙ!

Эви и ЖИВОТНЫЕ

Иллюстрации Эмили Граветт

Миры Мэтта Хейга

МЭТТ ХЕЙГ

ЭВИ И ЖИВОТНЫЕ

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Хейг М.

Эви и животные / М. Хейг — «Издательство АСТ»,
2019 — (Миры Мэтта Хейга)

ISBN 978-5-17-115704-3

У Эви есть способности. Точнее, одна необыкновенная, но опасная СУПЕРСПОСОБНОСТЬ, которую нужно держать в секрете. Она может СЛЫШАТЬ мысли животных. А иногда, не двигая губами и не издавая ни звука, ГОВОРИТЬ с ними. Однако после встречи со львом все идет наперекосяк. Теперь все животные в городе в опасности, и только Эви может спасти их. Но чтобы сделать это, она должна сразиться с таинственным незнакомцем, у которого тоже есть СУПЕРСПОСОБНОСТИ...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-115704-3

© Хейг М., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Особенная девочка	6
Птица по имени Ключ	10
Кролик в беде	12
Мир кроликов	15
Эви ссорится с Леонорой	17
Большой секрет бабушки Флоры	22
Почему бабушка Флора попала в тюрьму	25
Змея и лягушка	27
Встреча с миссис Бакстер	30
Имя из сна	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мэтт Хейг

Эви и животные

Matt Haig
EVIE AND THE ANIMALS

Copyright © Matt Haig, 2019
Illustrations © Emily Gravett, 2019
© Е. Колябина, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Перл и Лукасу, а также детям, которые пытаются защитить
землю и всех чудесных созданий, её населяющих*

*Некоторые люди разговаривают с животными.
Но мало кто слушает их – в этом-то и проблема.*
А. А. Милн

Особенная девочка

Жила на свете девочка по имени Эви Тренч.

Эви была не такой, как другие дети.

Она была особенной.

Во всяком случае, так говорил её папа.

Эви часто думала, что быть нормальной девочкой куда лучше, но тут уж ничего не поделаешь: такой она уродилась.

И особенность её заключалась в том, что...

Это сложно объяснить. Эви и сама не до конца понимала.

Но, прежде чем мы в это углубимся, давайте начнём с чего-нибудь попроще.

Эви любила животных. Конечно, многие любят животных, но Эви любила абсолютно всех – а не только тех, кого можно погладить и потискать.

Разумеется, она любила собак и кошек, а кроме них ещё тараканов, змей, летучих мышей, коршунов, гиен, акул, медуз и даже анаконд. Она любила всех животных, кроме бразильского прыгающего паука, самого ядовитого в мире. Эви было непросто проникнуться к нему тёплыми чувствами, и позже вы обязательно узнаете, почему. Но в целом она любила всех живых существ на свете.

И она знала всё о мире животных. Правда, всё. Пожалуй, даже самые умные профессора зоологических наук в самых умных университетах и то знали меньше неё. К шести годам Эви прочитала больше трёх сотен книг о братьях наших меньших.

Она брала в руки книгу о животных всякий раз, когда ей бывало грустно, скучно или тоскливо.

Так что она в самом деле знала о них очень много.

Например, Эви знала, что:

1. Улитки могут проспять три года подряд, а у слизняков четыре носа.
2. Медведь гризли такой сильный, что может раздавить шар для боулинга.

3. Птицам красный перец не кажется острым.
4. Все рыбы клоуны рождаются мальчиками, а потом некоторые становятся девочками.
5. Кошки могут спокойно пить морскую воду.
6. У осьминога три сердца.
7. Глаза оленей зимой становятся синими – это помогает им видеть в темноте.
8. Беременность у слоних длится почти два года.
9. Под полосатым мехом у тигров полосатая кожа.
А вот её любимое:
10. Морские выдры во сне держат друг друга за лапки, чтобы течением их не разнесло в разные стороны.

Но Эви не только любила животных и отлично в них разбиралась.

Она обладала удивительной способностью.

Воистину уникальной.

Эви СЛЫШАЛА, о чём животные думают.

И порой животные слышали, о чём думает она.

Иными словами, Эви могла разговаривать с животными, не произнося ни звука и даже не шевеля губами.

Она понятия не имела, откуда у неё взялась эта способность. Эви просто могла, и всё. Чем старше она становилась, тем чаще это происходило, что бесконечно радовало Эви. Ведь у неё была тайная суперсила! Только одному человеку она рассказала о том, что умеет: своему отцу. А он ответил, что Эви больше никому не должна об этом рассказывать. Никому и никогда.

– Ты особенная девочка, Эви, но из-за этих способностей с тобой могут случиться плохие вещи. Страшные вещи! – Он покачал головой. – Так что, поверь мне, лучше тебе об этом молчать. И что бы ты ни услышала, никогда не отвечай животным!

И Эви молчала. Никто не знал о том, что она умеет разговаривать с животными.

Во всяком случае, так она думала.

Пока не встретила кролика.

Птица по имени Клюв

Вернее, сперва в тот день она встретила птицу.

Воробья, если точнее.

Маленького, ничем не примечательного, красновато-коричневого воробья по имени Клюв.

Эви и раньше доводилось с ним болтать. Конечно, вслух они не разговаривали, только обменивались мыслями. И тем не менее это была обычная дружеская болтовня. Воробей часто прилетал полакомиться семечками, которые Эви оставляла на подоконнике. Она тайком выковыривала их из хлеба, купленного отцом.

У Эви не всегда получалось слышать животных. Иногда за весь день она не могла уловить ни единой мысли. Но почему-то с Клювом ей было проще всего найти общий язык.

– Ты сегодня какая-то грустная, – думал воробей, прыгая по подоконнику.

Эви посмотрела в утреннее небо. А потом показала Клюву фотографию мамы, которая стояла возле кровати.

– Я скучаю по ней, Клюв, – вздохнула она.

– И я скучаю по своей, – отозвался воробей – разумеется, мысленно. – Хотя мы мало прожили вместе. Но, кажется, она была очень хорошей.

– Я свою почти не помню. Всё, что я о ней знаю, мне рассказали бабушка Флора и папа. Правда, он мало говорит о маме. Ну не странно ли скучать по тому, кого не знаешь?

– Ничутьточки. Я скучаю по всем друзьям, с которыми ещё не успел познакомиться. И это несмотря на то, что у меня уже очень много друзей, наверное, целая тысяча! Мы с ними летаем вместе. Но я пока маленький, желторотый, ни одной зимы не пережил. И я точно найду себе новых друзей. Вот по ним заранее и скучаю. Потому что не сомневаюсь: они будут удивительными.

Эви попыталась отогнать грустные мысли.

– Клюв, расскажи, а каково это – летать?

– Проще простого, если у тебя есть крылья. Полёт – это свобода. Ты можешь лететь вверх, вниз, влево, вправо и куда душа пожелает. Ветер гладит пёрышки, насекомые сами залетают в клюв. Эви, тебе бы понравилось.

– Не сомневаюсь. Только, пожалуй, насекомых я не стала бы есть.

– Нет ничего лучше, чем быть свободным и быть собой, – добавил Клюв. – Если у тебя есть крылья, глупо ими не пользоваться.

– М-м-м, – протянула Эви, – да, я что-то такое слышала.

В эту самую секунду в дверь постучали. Клюв встревоженно завертел головой.

– Ой, – подумал он.

– Эви, ты не забыла, что тебе нужно в школу? – В комнату заглянул папа. Он сразу заметил семечки на подоконнике и вспугнутого воробья, улетающего в небо. – Что я говорил про выковыривание семечек из хлеба?

– Прости, пап. Но ты не разрешаешь мне заводить домашнее животное, вот я и...

– Ты же не пыталась общаться с этой птицей при помощи своих способностей?

– Нет, – соврала Эви. Ей пришлось солгать: папа ведь ясно дал понять, что она не должна обращать внимание на голоса животных, звучащие в её голове. Иначе случится что-то **ОЧЕНЬ ПЛОХОЕ**. Хотя папа никогда не уточнял, что именно. И это, признаться, раздражало, особенно потому, что Эви давно и безуспешно мечтала о питомце. – Я не разговаривала с воробьём.

– Хорошо, – сказал папа. Он выглядел уставшим: опять работал до поздней ночи, ремонтировал чужую мебель в гараже. А может, тоже скучал по маме. Сложно было понять.

Эви часто жалела, что не слышит папины мысли, как мысли какой-нибудь собаки. Вот если бы он хоть ненадолго превратился в пса... Например, в большую слюнявую гончую-бладхаунда. Уж тогда она поняла бы, что его гнетёт. Что хорошо в собаках: они сами тебе всё рассказывают, просто не могут удержаться. Им для этого не обязательно владеть человеческой речью. А человеку нет нужды читать мысли. Каждый взмах хвостом и наклон головы, любой лай и писк, ласковый взгляд и вздох лучше всяких слов расскажет о том, что у них на душе. Люди редко такими бывают. Возможно, потому им и нужны слова. Без них никто никого не понимал бы, как Эви не понимает папу.

Пожалуй, папы – самые непостижимые животные на всём белом свете.

– Пора в школу, – коротко сказал он.

Кролик в беде

Несколько часов спустя Эви сидела со своей лучшей подругой Леонорой Светлой в столовой начальной школы города Лофтинга.

Пока Эви ела овощную лазанью, Леонора хвасталась новым щенком – мальтийской болонкой по кличке Биби, показывая его фотографию в телефоне.

Родители Леоноры были знаменитыми видео-блогерами. У их канала «ЖИЗНЬ НА СВЕТЛОЙ СТОРОНЕ» насчитывалось два миллиона подписчиков на «Ютьюбе». Леонора стала звездой шоу прямо в день своего рождения: видео с её появлением на свет – «Наша малютка» – посмотрели 17 637 239 раз, сделав его едва ли не самым популярным на сайте.

– Мама провела исследование и выяснила, что, по мнению пользователей Интернета, мальтийские болонки – самая милая порода. А значит, щенок привлечёт ещё больше подписчиков. У папы сильная аллергия на собак, но мама говорит, что ради такого дела можно и почихать. К тому же от Биби он пока почему-то не чихает.

Но Эви, конечно, знала, почему.

– Это гипоаллергенная порода. Мальтийские болонки не линяют.

– Понятно, – кивнула Леонора и принялась за роллы, которые принесла на завтрак. – Тебе нужно зайти к нам в гости и посмотреть на Биби. Давай прямо сегодня! Она тебе понравится. Ты же всех животных любишь, даже самых уродливых. Даже тараканов. Так что перед Биби ты точно не устоишь. Она просто очаровашка. Может, мы даже снимем ролик с тобой! Если, конечно, ты приведёшь свои волосы в порядок.

– А что не так с моими волосами? – нахмурилась Эви.

– Ну, знаешь, они немного скучные.

– Да? – удивилась Эви. – А я думала, волосы как волосы.

Она никогда не придавала особого значения своей внешности. Для одиннадцатилетней девочки Эви была слегка высоковата, а вот нос мог бы и подрасти чуть-чуть, да и глаза – сидеть не так далеко друг от друга. Всего в ней было либо чересчур, либо недостаточно. Но окружающие говорили, что улыбка у Эви «добрая» или даже «мудрая», и она справедливо полагала, что это лучше, чем глупая или злая улыбка. А вот волосы никогда не вызывали у неё нареканий: они были прямыми и коричневыми, совсем как у мамы на фотографиях.

– Ха-ха-ха, ха-ха-ха, – рассмеялась Леонора, одновременно делая селфи с фильтром, который превращал её в единорога. Получился единорог, поедающий роллы. – Эви, ты забавная. За это я тебя и люблю. Но не переживай, ведь внешность – не главное. Так говорит Джей, папин инструктор по фитнесу. А он, между прочим, модель.

Эви пожалала плечами. Иногда она не знала, что сказать Леоноре. Её болтовня лилась словно поток воды, и Эви ничего не оставалось, кроме как задержать дыхание и подождать, пока он схлынет. Бывало, она задумывалась, почему вообще дружит с Леонорой, ведь та всегда заставляла Эви чувствовать себя не в своей тарелке.

После завтрака Эви захотела побыть одна и пошла в школьную библиотеку. Она обожала школьную библиотеку, потому что там было очень много книг о дикой природе и животных. Ей как раз нужно было вернуть «Энциклопедию видов, которые находятся на грани вымирания».

Эви прочитала её от корки до корки за два дня и очень рассердилась, когда узнала обо всех тиграх, уже исчезнувших с лица земли, и тех, кому это грозит в ближайшем будущем. Ещё сильнее она рассердилась, когда дошла до главы о кожистых черепахах – самых крупных морских черепахах, которые появились на нашей планете около ста десяти миллионов лет назад и даже застали динозавров! Но им тоже грозит вымирание из-за людей, чья история насчитывает всего-то двести тысяч лет. Даже меньше миллиона! Очень некрасиво, если не сказать «грубо»,

со стороны человечества – подвергать опасности животных, которые заселили землю задолго до людей и прекрасно обходились без них.

Во всяком случае, так думала Эви, пока шла по школьному коридору с энциклопедией в руках. Путь в библиотеку пролегал мимо клетки Кало, новой школьной крольчихи. По какой-то причине её называли в честь знаменитой мексиканской художницы Фриды Кало. Клетка стояла прямо перед кабинетом школьного секретаря.

Пару дней назад Эви уже проходила мимо неё. Кало тогда спала. И только вчера до девочки долетел отголосок её мыслей. Крольчиха стояла рядом с поилкой, и Эви слышала отчётливое «О нет». Увы, рядом была Леонора, и Эви не могла подойти к клетке и проверить, всё ли в порядке с Кало.

Но сейчас она снова что-то слышала.

Голос на грани шёпота, тихий всхлип.

Эви повернулась.

– Вот ещё одна, – думала Кало, ни к кому не обращаясь. – Идёт себе мимо, ни забот, ни проблем.

Эви остановилась.

– Нехорошо это, – продолжала Кало. – Они же без меня пропадут!

Эви внимательно посмотрела на крольчиху. Она давно поняла, что, если хочешь услышать мысли животных, лучше не закрывать глаза, а, наоборот, глядеть из всех сил.

– Кало, что случилось? – мысленно спросила она. Мимо прошли двое мальчишек, которые учились на класс старше. Увидев, как Эви таращится на кролика, они захихикали и пихнули друг друга в бок. Но девочке сейчас было не до них.

Кало не слышала вопроса, и Эви повторила его, для верности прошептав вслух, дабы убедиться, что мыслит чётко и ясно:

– Кало, что случилось?

Крольчиха подняла голову и встретила глазами с Эви. Мордочка у неё была милая и грустная, а ушки упирались в потолок клетки.

– Ты понимаешь, о чём я думаю? – спросила крольчиха.

– Да.

– Не знала, что люди так умеют. Животные всё время слышат друг друга, но люди... Наверное, такие редко попадаются.

Эви знала, что это правда. Один кот как-то объяснил ей: причина в том, что люди слишком задирают нос. Чья бы корова мычала...

Крольчиха прижала серо-коричневую мордочку к прутьям и подняла на Эви тёмные, полные отчаяния глаза.

– Я не должна быть здесь. Меня насильно забрали из Леса нор. Мне нужно вернуться к своей семье.

– Лес нор? – переспросила Эви. Она никогда о таком не слышала.

– Да. Он тут совсем рядом. Бренда украла меня.

– Бренда? Это ещё кто такая?

– Директриса.

Эви улыбнулась.

– Миссис Бакстер зовут Брендой? Невероятно. Бренда Бакстер, – хмыкнула она, а потом спохватилась: – Ты говоришь, что миссис Бакстер забрала тебя из леса?

– Да.

– Но это ужасно! Уверена, миссис Бакстер так бы не поступила...

– Но я говорю правду! Кролики не лгут. Бренда похитила меня. А я должна вернуться! В лесу осталась моя семья. Там моя мама. Ты представляешь, каково это – быть вдали от мамы?

Сердце Эви наполнилось знакомой тяжёлой печалью.

– Ещё как представляю, – ответила она.

– Пожалуйста, помоги мне! – взмолилась Кало. – До мамы всего двести прыжков. Ох, как я скучаю по прыжкам! В этой клетке толком и не повернёшься. Ты должна мне помочь. Кроме тебя, меня никто не слышит...

Эви на всякий случай огляделась, но школьный коридор был пуст. Она наклонилась к Кало.

– Как тебе помочь?

– Вытащи меня отсюда!

Мир кроликов

– Тебе бы понравилось сидеть в клетке? – спросила Кало. – Лежать на соломе и смотреть на мир через решётку? Царапать дурацкую трубку, чтобы добыть каплю воды? А человеческие детёныши, которые только и знают, что тыкать в меня пальцами!.. Ты посмотри на это место. Ты смогла бы тут жить?

– Наверное, нет, – мысленно ответила Эви. На этот раз ей даже не пришлось шептать, чтобы её поняли. Только сейчас Эви заметила, что клетка в самом деле слишком маленькая для такой крупной крольчихи.

– Пожалуйста, – снова взмолилась Кало, – помоги мне!

Эви с трудом сглотнула. Её охватила паника. Что скажет папа, если узнает, что она устроила побег школьной крольчихе? Пусть даже у неё ужасно тесная клетка...

– Прости, – тихо подумала Эви, опустила голову и побежала к библиотеке. И по дороге наткнулась на миссис Бакстер.

– По коридорам бегать нельзя, – строго сказала она и сжала губы в куриную гузку.

Эви остановилась и посмотрела на директрису. Лицо у той было крайне суровым.

– Миссис Бакстер, могу я вас кое о чём спросить?

– Если очень нужно, – раздражённо ответила директриса.

– Нельзя ли пересадить Кало в другую клетку?

– У неё уже есть клетка.

– Я имею в виду клетку побольше, чтобы она могла прыгать. Кажется, она очень грустит из-за того, что там мало места. Мы могли бы сделать это... в качестве школьного проекта.

– Кало – кролик, – отчеканила миссис Бакстер, – и будет сидеть в той клетке, которая у неё есть. Она не получит клетку побольше. И в пятизвёздочный кроличий отель не переедет. И о клетке с бассейном пусть не мечтает.

– Знаете, кроликам не нужны бассейны, – робко пролепетала Эви, но миссис Бакстер отмахнулась от неё, словно та была надоедливой мухой на пикнике.

– Эви, на следующей неделе к нам приедут инспекторы с проверкой, и мне нужно разобратся с важными документами. Так что до свидания.

Эви ничего не оставалось, кроме как пойти в библиотеку.

Там она сдала «Энциклопедию видов, которые находятся на грани вымирания», побродила между стеллажей и случайно наткнулась на книгу под названием «Мир кроликов». В ней было много фотографий. На девяносто третьей странице Эви бросилась в глаза крольчиха, до ужаса похожая на Кало. Возможно, это и в самом деле была она. Крольчиху сфотографировали на склоне холма, усеянного норами. Там было множество других кроликов, и, хотя по фотографии невозможно прочесть мысли, Эви с кристальной ясностью ощутила, что эта крольчиха счастлива.

А потом прозвенел звонок. Девочка вернула книгу на полку и поплелась обратно в класс. Проходя мимо клетки Кало, она снова слышала её мысли. На сей раз тоску крольчихи девочка ощутила как собственную. Всё тело Эви налилось невыразимой тяжестью. Она едва не расплакалась посреди школьного коридора. В тот миг Эви словно сама была крольчихой в клетке.

– Ох, – горестно вздохнула она и отчётливо поняла, что выбора нет. Если бы её оторвали от семьи и запихнули в тесную клетку, она отчаянно желала бы, чтобы хоть кто-нибудь ей помог.

Иными словами, Эви поняла, что сейчас совершит невероятную глупость.

– Пожалуйста, – снова обратилась к ней Кало, – вытащи меня отсюда!

Эви дождалась, пока стайка второклассников скроется за углом, и решительно шагнула к клетке. Щёлкнув двумя задвижками, она достала Кало. Крольчиха оказалась тяжелее и пушистее, чем она ожидала.

Сердце Эви билось очень быстро. И так же отчаянно колотилось сердце крольчихи. Если их поймут, у Эви будут неприятности. Скорее всего, её исключат, а может, сделают что похуже.

Прижимая зверьку к груди, девочка кинулась прочь из школы. Пробежав через игровую площадку, она посадила Кало в траву. Та, шевеля усами, с благодарностью посмотрела на Эви.

– Спасибо! Спасибо тебе! Отныне все кролики будут звать тебя Доброй девочкой! Спасибо, что помогла мне...

– Скачи отсюда! – перебила её Эви. – Быстрее, пока тебя никто не заметил.

И Кало сорвалась с места. Девочка смотрела, как крольчиха скачет к деревянной изгороди, тянущейся вдоль игровой площадки. Слева за ней раскинулись фермерские луга, на которых паслись коровы и быки. А справа начинался лес Лофтинга, или Лес нор, как назвала его Кало.

– Не останавливайся! – поторопила крольчиху Эви, надеясь, что та слышит её мысли даже на таком расстоянии. Кало уже всю перебирала лапами в направлении родной норы. – Скачи, пока не найдёшь свою семью.

И, когда Эви повернулась к школе, втайне надеясь, что её проступок остался незамеченным, до неё долетел слабый отголосок кроличьей мысли:

– Если тебе понадобится помощь, только попроси!..

Эви ссорится с Леонорой

Эви сидела в огромной гостиной Леоноры.

Днём Леонора написала своей маме – спросила, можно ли Эви к ней в гости. Та написала папе Леоноры, а тот, в свою очередь, написал папе Эви, который ответил, что не возражает.

Эви не горела желанием целый вечер торчать дома у подруги, но Леонора обладала поразительной способностью заставлять людей делать то, чего им не хочется. Эви дружила с Леонорой с самого первого класса, но сейчас, когда впереди маячила средняя школа, всё яснее понимала, что у них не так много общего. Когда-то они были лучшими подружками. Им нравилось одно и то же, а ещё у них было особенное, известное только им рукопожатие. Вот только они давно его не использовали. Теперь Леонора смотрела видео о том, как правильно накладывать макияж, а Эви предпочитала ролики о бегемотах и медузах, а также о том, как покупать меньше пластика. Но порой Эви радовалась, что дружит с Леонорой: та говорила так много и так быстро, что поток слов просто вымывал у Эви из головы все мысли, даже самые навязчивые и тревожные.

К тому же у Леоноры появился щенок. А щенки всё делают лучше, с этим даже учёные не спорят.

Но сейчас ни болтовня Леоноры, ни маленькая мальтийская болонка не могли отвлечь Эви. Пропажу кролика заметили только на большой перемене. Миссис Бакстер созвала срочное собрание, и вместо последнего урока все ученики обшаривали школу и её окрестности в поисках Кало.

Эви горько жалела о том, что утром подошла к директрисе и попросила поменять крольчихе клетку. Потому что к вечеру миссис Бакстер обязательно догадается, чьих это рук дело, и на следующий день Эви неизбежно вызовут в её кабинет. И папа рассердится так, как в жизни не сердился.

И тогда... И тогда... И тогда...

Эви замотала головой в надежде унять «итождания». Она сидела на крутящемся стуле между электронным пианино и семидесятипятидюймовым телевизором. Мама Леоноры занималась йогой на втором этаже, её папы не было дома, а сама Леонора требовала, чтобы Эви снимала на видео, как она наряжает Биби.

Например, сейчас подруга старательно запихивала Биби, пушистую белую болонку, в крохотную балетную пачку. Чёрное трико на щенка она уже натянула. Эви знала, что Биби это совсем не нравится. И хотя собачка почти не сопротивлялась, её маленькие пушистые мысли так и звенели в голове Эви: «Хватит! Прекрати! Ненавижу!»

– Мне кажется, Биби от этого не в восторге, – сказала девочка.

– Эви, замолчи, мы же снимаем! А Биби такая забавная в этом костюмчике.

– Боюсь, она не считает его забавным.

– Откуда ты знаешь? Собаки же не умеют смеяться. Может, внутри она покатывается со смеху.

С этими словами Леонора выхватила у Эви телефон. А Биби воспользовалась суматохой и сбежала.

– Да что с тобой, Эви? – недовольно спросила Леонора.

– Ничего.

– Знаешь, сегодня с тобой вообще не весело. Даже наоборот: ты рискуешь побить все рекорды по скучности. Мама говорит, что нужно окружать себя позитивными людьми, поэтому она отписалась от четырёхсот страничек в «Инстаграме». А ты, честно говоря, совсем не позитивная. Вот даже ни капельки.

Леонора сморщила нос и добавила:

– Боюсь, это из-за того, что у тебя никогда не было мамы.

Эви почувствовала, как глаза защипало от слёз. У неё выдался нелёгкий день, и это стало последней каплей.

– При чём тут моя мама? – сердито спросила она.

– Я просто подумала, что, наверное, нам больше не стоит дружить.

– Ну и ладно.

– Вот и хорошо.

– Вот и замечательно.

Потом Леонора сказала: Эви следует позвонить папе, чтобы тот её забрал. И добавила, что дверной звонок у них барахлит, поэтому будет лучше, если Эви подождёт папу на скамейке перед домом.

Так что теперь девочка сидела и ждала на улице, с каждой секундой чувствуя себя всё более несчастной и одинокой. А червячок беспокойства, что директриса рано или поздно прознает, кто выпустил крольчиху из клетки, неустанно грыз Эви изнутри.

Два мальчика из старшей школы прошли мимо, на ходу перебрасываясь мячом.

«Не плачь», – беззвучно сказала себе Эви. В небе над её головой летали три птицы. Возможно, среди них был Клюв. При мысли о воробье, счастливо порхающем под облаками, ей стало чуточку легче. Эви посмотрела по сторонам и увидела бредущую по улице собаку.

Девочка в жизни не встречала такого заросшего, неухоженного пса. Он был высоким – куда выше мальтийской болонки и даже чуть выше лабрадора – и очень, очень лохматым. Эви не знала такой породы. В этом псе смешалось, наверное, три сотни пород. Пыльно-коричневый, с грязно-белыми пятнами, он был худым и костлявым. Жизнь его явно потрепала: на шерсти тут и там висели обрывки сухих листьев и прочего мусора.

– Мне больно, – думал пёс.

Услышать собак было проще, чем других животных. Даже проще, чем воробья Клюва и кроликов. На самом деле, обмениваться мыслями с собаками было до того легко, что Эви искренне недоумевала, почему остальные люди этим не занимаются. Иногда ей казалось, что собаки думают *слишком* громко: достаточно пройти мимо дома, в котором сидит пёс, и можно услышать, что у него на уме.

Если Эви сталкивалась с собаками на улице, мысли их, как правило, звучали коротко и ясно. Чаще всего они перечисляли окружающие запахи: «Солёный. Кислый. Новая метка. Старая Метка. Кошачья метка». Это ужасно отвлекало, особенно если Эви пыталась с кем-то поговорить.

Лохматый пёс неизвестной породы хромал. Эви заметила, что при ходьбе он поджимает правую переднюю лапу.

– Эй, пёсик, – позвала она, – иди сюда, я тебе помогу. Давай-ка посмотрим на твою лапу. Не бойся, я тебя не обижу.

А потом Эви повторила то же самое мысленно, изо всех сил стараясь вложить слова в голову псу. И он сделал, как она просила: подошёл и поднял лапу. Эви быстро осмотрела её и заметила застрявший в подушечке маленький чёрный шип.

– Мне больно, – снова подумал пёс.

– Знаю, – мысленно отозвалась Эви, глядя прямо на него. – И сейчас будет немного неприятно, но потом станет легче.

Глаза пса сверкнули от изумления: он не ждал, что человек его поймёт. Лохматый сидел смирно и даже не дёрнулся, пока Эви вытаскивала колючку. А когда она отпустила грязную лапу, пёс аккуратно поставил её на землю.

– Спасибо, – сказал он. – Теперь я снова могу бегать. Обожаю бегать!

Эви вспомнила, как воробей Клюв говорил то же самое о полёте. А Кало не представляла своей жизни без прыжков.

Может, у всех животных своё понимание свободы?

Интересно, что значит свобода для людей?

Эви посмотрела на лохматого пса и спросила:

– У тебя есть хозяин? Где ты живёшь? Как тебя зовут?

– Колтун, – ответил пёс. – Так меня называет одна женщина. Она отдаёт мне мясо, которое люди не доели там, куда они приходят обедать.

– В ресторане?

– Не знаю, – пёс мотнул головой, – но она меня так зовёт. Мне нравится. Колтун.

– Здорово. А я Эви. – Она и подумала, и произнесла это вслух, отчего почувствовала себя слегка сумасшедшей.

Рыжий кот, лениво трусивший по улице, вдруг зашипел на пса.

– Да ладно тебе, Мармелад, – посмотрел на него Колтун. – Мы это уже обсуждали. Не собираюсь я за тобой гоняться.

– Знаю, – ответил Мармелад. – Ты мне просто не нравишься. Меня от тебя в дрожь бросает. И от других собак. Я не жду от вас ничего хорошего.

– Это чистой воды предрассудки, – фыркнул Колтун.

Кот тем временем юркнул под припаркованную машину, чтобы оттуда следить за псом. Эви мысленно спросила Колтуна:

– Почему собаки и кошки вечно грызутся, если они друг друга хорошо понимают?

Лохматый пёс прерывисто вздохнул.

– Собаки и кошки? Всё дело в том, что мы и понимаем друг друга, и нет. Почти как люди.

Мимо прошёл мужчина с покупками из супермаркета. Он покосился на Эви, но ничего странного не заметил. Одиннадцатилетняя девочка сидит и молча гладит собаку. Наверное, ждёт, когда за ней приедут родители.

И папина машина как раз вырулила из-за угла.

– Где ты живёшь, Колтун? – спросила Эви.

– Везде. И нигде.

– То есть хозяина у тебя нет?

– Не говори глупостей. У меня есть чувство собственного достоинства. Я вольная птица.

Колтун понюхал землю, задрал лапу и пометил пяточек рядом со скамейкой.

– Домашние собаки везде оставляют свой запах. Как будто это место принадлежит только им. Мне приходится ставить метки повыше, чтобы они поняли, кто на этих улицах хозяин. А то ишь что выдумали!

Папин старенький зелёный автомобиль со скрипом остановился у обочины.

– За мной приехали. Рада была познакомиться, Колтун.

Эви встала, и пёс напоследок обнюхал её.

– Ты пахнешь домашней собакой... и кроликом... и страхом.

– Да, – вздохнула Эви, – денёк у меня выдался не из лёгких.

– И добротой. Ты пахнешь добротой. Ты хорошая девочка, Эви. Не позволяй своему огоньку угаснуть. С людьми, знаешь ли, такое случается.

Эви бросила взгляд на окно спальни Леоноры.

– Да, ты прав. Случается. Пока, Колтун.

– Пока. Ещё унюхаемся. Жизнь прекрасна!

Жизнь прекрасна. По пути к папиной машине Эви думала, что было бы замечательно, если бы все на самом деле обстояло так. Но сейчас её жизнь состояла из одних несбыточных желаний. Она хотела бы лучше помнить маму. Хотела, чтобы лучшие подруги навсегда оставались лучшими, а папа чаще с ней разговаривал. И чтобы противный комок страха, поселившийся в животе после того, как она освободила Кало, наконец рассосался. Но ещё Эви радовалась, что Колтуну больше не больно.

Довольный пёс радостно побежал по улице, наслаждаясь тем, что теперь может наступать на все четыре лапы. И пусть Эви сегодня потеряла подругу, кажется, она успела найти нового друга.

А забравшись в машину, Эви, к своему восторгу, обнаружила, что рядом с папой сидит бабушка Флора. Ну конечно, сегодня же среда! Бабушка Флора всегда обедает с ними по средам.

Эви искренне верила, что лучше её бабушки не сыскать на всём белом свете. Правда, она даже не подозревала, что у Флоры есть один секрет.

И очень скоро Эви предстояло узнать, какой.

Большой секрет бабушки Флоры

Бабушке Флоре был восемьдесят один год.

В глазах у неё горели искорки, а в кармане кардигана неизменно прятался пакетик лакричных конфет. Доброе лицо бабушки Флоры было круглым, как яичко, и исчерченным морщинами, как старинная карта. Бабушка Флора пахла лавандой и носила тёплые шерстяные юбки, а от её грудного смеха на душе становилось светлее. И ещё она часто подмигивала Эви, чтобы та не забывала: бабушка на её стороне.

У Флоры был питомец – бородатая ящерица агама по кличке Платон. Эви много раз пыталась прочитать его мысли, но так ничего и не услышала. Платон всюду сопровождал бабушку. Даже сейчас он сидел у её ног посреди гостиной и хрустел сырой капустой, которую специально для него положили в глубокую тарелку.

Папа Эви тоже сидел в гостиной и почёсывал бороду, не отрываясь от телефона.

– Простите, но мне нужно в гараж, закончить с ремонтом дивана. Завтра его должны забрать.

Бабушка Флора сердито сощурилась и посмотрела на папу.

– Похоже, нам с Эви нужно превратиться в сломанные стулья, чтобы провести с тобой больше времени!

– Не смешно, – ответил папа, но сам чуть заметно улыбнулся.

– Диваны никогда не спрашивают, как ты себя чувствуешь, – не унималась бабушка Флора. – Наверное, поэтому ты предпочитаешь их компанию.

– Может, и так.

Бабушка Флора подмигнула Эви.

– Что ж, за нас не волнуйся. Мы с Эви найдём о чём поболтать.

Как только папа вышел из комнаты, бабушка протянула Эви лакричную конфетку, откинулась на спинку кресла и многозначительно улыбнулась.

– С каждым днём становится сильнее, да? – спросила она.

Эви недоумённо посмотрела на бабушку.

– Что становится сильнее?

– Твой Дар.

– Какой дар?

Бабушка Флора хохотнула.

– Способность, которой ты обладаешь, кувшинка. Умение телепатически разговаривать с животными. Это называется Дар. Большинство животных рождаются с ним, ведь они связаны с миром природы. Но у людей он встречается редко. Во всяком случае, в нынешние времена. Мало кто может им похвастаться. Ты можешь. И твоя мама могла. И я могу.

Эви ахнула. Бабушкины слова никак не укладывались в голове.

СЛИШКОМ МНОГО ИНФОРМАЦИИ.

Она не знала, что ответить. Эви не рассказывала никому, кроме отца, о том, что умеет. И всю жизнь чувствовала себя чудачкой. Почему папа ни разу не обмолвился, что мама и бабушка Флора тоже умели разговаривать с животными?

Эви знала, что мама любила животных. Она даже целый месяц провела в джунглях Амазонки, защищая леса, их обитателей и остальную планету от людей, которые хотели вырубить деревья. К несчастью, из джунглей она уже не вернулась. Бразильский странствующий паук, самый ядовитый в мире, укусил маму за лодыжку. И стал единственным животным, которого Эви так и не смогла полюбить.

Теперь в голове у девочки крутился миллион вопросов. Но задала она лишь один:

– А как ты догадалась?

Бабушка Флора посмотрела на коричнево-зелёную рептилию, сидевшую у её ног.

– Платон рассказал мне. Он всё знает. Ты пока что не научилась его понимать, и неудивительно, ведь ящерицы – очень сложные существа. Но им многое известно о нашем мире. Они всё видят: прошлое, настоящее, а иногда и будущее. А бородатые агамы – мудрейшие из мудрых... Ну, и ещё кое-кто намекнул.

– Папа? – удивилась Эви.

– Нет. Одна маленькая птичка.

– Клюв!

Бабушка Флора добродушно рассмеялась.

– Да. Этот воробушек всё расскажет за горсть хлебных крошек.

– Ух ты! – воскликнула Эви. – Значит, я не странная! Я как ты! И мама была такой же...

Лицо бабушки Флоры помрачнело, словно небо затянулось тучами.

– Эви, тебе следует знать, что Дар – это не благословение, а проклятие. Он принёс мне немало бед и погубил твою маму.

– Но мама сделала много хорошего!

– Да, её Дар был очень сильным. Она могла разговаривать со всеми животными: рыбами, птицами и даже рептилиями. И животные любили её. Но твоя мама зашла слишком далеко. Ей не следовало ехать в джунгли.

Эви почувствовала себя окончательно сбитой с толку.

– Я только одного не понимаю: если мама так хорошо общалась с животными, почему паук её укусил?

Бабушка Флора вдруг настороженно огляделась, будто кто-то мог их подслушивать.

– Ты совсем как мама, Эви. Задаёшь вопросы, ответов на которые лучше не знать.

– Но...

Бабушка Флора прижала палец к губам.

– Пожалуйста, Эви, выслушай меня. Я знаю о том, что случилось сегодня. Мне известно о кролике.

– Но откуда? – озадаченно моргнула Эви и только тут заметила, что бабушкина ящерица внимательно смотрит на неё своими маленькими круглыми глазами. От этого пристального взгляда ей стало не по себе. Эви не могла прочесть мысли Платона, но чувствовала его силу. И эта сила её пугала.

– Как я уже сказала, – бабушка улыбнулась и забросила в рот лакричную конфетку, – Платон знает всё.

– Пожалуйста, только не говори папе!

– Не буду. Но он всё равно узнает.

У Эви по спине забегали мурашки.

– И это станет только началом больших неприятностей. Прошу тебя, Эви, держи свой Дар под контролем. Ты не должна его использовать.

– Но почему, бабушка?

– Чем чаще ты его используешь, тем сильнее он становится. Сейчас тебе одиннадцать лет. В этом возрасте он проснулся и у меня. Одиннадцать, двенадцать, тринадцать. Дар креп с каждым годом, потому что я целиком погружалась в общение с животными. Я лежала на траве и слушала усталые мысли маршировавших муравьёв. По ночам видела кошмары, которые снились мышам под половицами. Когда над моей головой пролетала стая птиц, их мысли обрушивались на меня сплошным потоком, и я теряла сознание. Всё это едва не свело меня с ума, ведь я мысленно отвечала им. Я хотела понять всех животных на земле. Подозреваю, что ты тоже об этом мечтаешь. Но рано или поздно, уж поверь, это доведёт тебя до беды. Как довело меня. Из-за своего Дара я попала в тюрьму.

Эви испуганно ахнула.

– В тюрьму?

Бабушка Флора печально улыбнулась.

– Да, меня посадили в тюрьму в двадцать один год. Я ещё никому об этом не рассказывала. Ты готова слушать?

Эви кивнула, втайне надеясь, что бабушка Флора угодила за решётку не потому, что выпустила кролика из клетки.

Почему бабушка Флора попала в тюрьму

Обычно людей сажают в тюрьму за то, что они кого-то ограбили, застрелили или украли огромный бриллиант. Но бабушка Флора ничего подобного не делала.

Она была хорошим человеком.

Эви знала это, поскольку бабушка так и сказала:

– Я была хорошим человеком, Эви.

Но она попала в беду, потому что выпустила на волю животных, выступавших в передвижном цирке мистера Кнутта. Это случилось много лет назад.

– Они держали слонов в цепях. А слоны не любят, когда их заковывают в цепи. И зебры не любят, и тигры. Никто не любит, на самом деле, – объяснила бабушка.

– Тигры? – переспросила Эви.

Вид у бабушки сделался слегка виноватый.

– Да. Собственно, из-за них-то меня и отправили в тюрьму. Зебры мало кого волновали, пусть они и были частной собственностью. И по поводу слонов власти не слишком беспокоились, хотя и следовало бы – характер у этих здоровяков не сахар. Но нет, все переполюшились из-за тигров, которые бегали по центру Лофтинга и пугали народ. Двое даже пробрались в супермаркет.

Эви поразмыслила над бабушкиными словами.

– Неудивительно. Тигры ведь могли кого-нибудь съесть.

Бабушка Флора сердито замотала головой.

– Эти пообещали, что никого не тронут.

– Пообещали? – озадаченно моргнула Эви.

– Да. О тиграх много чего можно сказать, но одно я знаю точно: они всегда держат слово.

– Но как ты заставила их пообещать?

– Кувшинка, я просто вежливо попросила. С тиграми, знаешь ли, лучше быть очень вежливой. Жаль, что люди этого не понимают. Я сказала, что выпущу их на волю только в том случае, если они никого не будут есть.

– И что они ответили?

– Тигры долго думали, а потом спросили: «Что, даже мистера Кнутта, владельца цирка, который столько времени измывался над нами? Он выглядит очень аппетитно!» Тогда я сказала: «Нет, даже противного мистера Кнутта. Не сомневаюсь, что он вкусный, но всё равно нет. Это дело принципа». Тигры немножко поворчали и порычали, но в конце концов согласились. И знаешь что?

Эви не знала и потому спросила:

– Что?

– Они сдержали обещание. Но полиция, судья и все в городе смеялись надо мной, когда я им об этом рассказывала, – грустно вздохнула бабушка. – Они думали, что я шучу. И меня посадили за решётку на долгие годы. И... И...

Бабушка Флора вытащила из рукава кардигана мятый платок и промокнула глаза.

– Я опустилась на самое дно. Но, кувшинка, вот что я тебе скажу: никогда не забывай, что от дна можно оттолкнуться. Потому что оно твёрдое. В каждом из нас есть ядро, которое нельзя ни сломать, ни раздавить. И в тебе оно есть, Эви. Я-то вижу: ты крепкая девочка. И умная. Но порой от большого ума одни беды. О некоторых вещах лучше не знать. А иные голоса лучше не слышать. Так что прошу тебя: держи свой Дар в узде. Я не хочу, чтобы ты закончила как я или как твоя мама. Ты ещё можешь жить нормальной жизнью.

Нормальной жизнью.

Эви кивнула – ей очень хотелось последовать бабушкиному совету. Но уже тогда она понимала, что никуда не денется от своего Дара, и сильно сомневалась, что её жизнь будет хоть сколько-нибудь нормальной.

Разумеется, Эви была абсолютно права.

Змея и лягушка

В ту ночь Эви приснился сон.

Как ни странно, он был не о кролике, не о бабушке Флоре, не о цирковых тиграх и даже не о тюрьме. Эви увидела во сне змею.

Обычную древесную змею – из тех, что живут в джунглях и любят подстергать добычу, лёжа на нижних узловатых ветках.

Это точно была не анаконда, потому что реки поблизости Эви не заметила. Но змея была зелёной, даже ярко-зелёной. И Эви поняла: это изумрудный собакоголовый удав. Она знала, что удавы неядовиты, нет: своих жертв они душат в тугих кольцах, а если те совсем маленькие, то просто заглатывают целиком.

Удав во сне Эви как раз заметил на земле лягушку. Невероятно красивую, глубокого синего цвета, в чёрную крапинку. Эви сразу узнала пятнистого древолаза. Во всех джунглях Амазонки не было существа опаснее: по сравнению с этой крохой мерк даже бразильский странствующий паук. Эви помнила, что, если древолаза не трогать, он ничего тебе не сделает. Но яда на его коже хватит, чтобы убить десять взрослых мужчин.

Эви испугалась за удава. Не самого удава, а *за* него. Если он прикоснётся к лягушке, то умрёт. И лягушка, скорее всего, тоже.

Недолго думая Эви решила предупредить змею.

– Ты погибнешь, если попытаешься её съесть.

Удав медленно оторвал взгляд от лягушки и посмотрел на Эви. Но в своём сне девочка ничуть его не боялась.

– Если дотронешься до лягушки, умрёшь, – мысленно повторила она.

И в следующий миг почувствовала, как змея проникла в её разум. Теперь Эви слышала мысли удава.

– Но она такая сочная и вкусная...

– Нет, – строго сказала Эви, – она ядовитая. Это пятнистый древолаз. Ты просто ещё совсем юный удав и не знаешь этого.

Вид у змеи сделался озадаченный.
– Почему ты хочешь меня спасти?

Даже во сне Эви не составило труда ответить на этот вопрос:

– Потому что могу это сделать.

Она прекрасно понимала, что и удав, и лягушка могут её убить. Но это не значит, что она желала им смерти.

– Спасибо, – подумала змея. – Ты хороший человек. Ты не такая, как Мортимер.

– Мортимер?

– Он охотится за мной, пытается меня контролировать. Он непохож на тебя или твоих родителей.

Эви понаблюдала, как ядовитая лягушка прячется под упавшим бревном. Потом снова подняла глаза на удава.

– Ты знаешь моих родителей?

– Да, они здесь.

Изумрудный удав скрылся в гуще ветвей, ускользнув из её мыслей, а Эви обернулась и в самом деле увидела родителей. Во сне ей было года три, и потому на маму с папой приходилось смотреть снизу вверх. Папа выглядел моложе и счастливее, и бороды у него не было. А мама казалась такой же красивой и доброй, как на фотографиях.

– Мама! – воскликнула Эви и попыталась обнять её, но тут сон оборвался.

Открыв глаза, Эви ещё долго не могла избавиться от странного чувства, что всё это ей не приснилось – а вспомнилось.

Встреча с миссис Бакстер

Миссис Бакстер сидела за столом в своём кабинете. На стене висел плакат с надписью «Душа исцеляется рядом с детьми». Если верить плакату, эти слова принадлежали кому-то по имени Фёдор Достоевский.

Но миссис Бакстер почему-то не выглядела исцелённой. Вид у неё был скорее сердитый и возмущённый, словно она в жизни не видела ребёнка ужаснее.

На столе перед миссис Бакстер стояла чашка, в которую она снова и снова опускала пакетик с чаем.

– Это ромашка, – объяснила она обманчиво ровным голосом. – Говорят, она успокаивает нервы. А мне без этого сейчас никак. Пью уже семнадцатую за день.

Эви робко улыбнулась и почувствовала, что ей тоже не помешал бы глоток ромашкового чая.

– Эви Тренч, Эви Тренч, Эви Тренч...

Девочку вызвали в кабинет директрисы прямо посреди урока истории (они проходили викингов), поэтому она сразу поняла: дело серьёзное. Впрочем, Эви догадывалась, зачем она понадобилась миссис Бакстер.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – внимательно посмотрела на неё директриса.

– А должна? – нервно спросила Эви.

– По всей школе стоят камеры. Мы знаем, кто украл Кало.

– Я... я её не украла.

– Да? Тогда как это называется?

Эви не сразу подобрала правильное слово.

– Спасла. Я её спасла. Клетка была слишком тесной. Кало там не нравилось.

Она подняла глаза на директрису. Лицо миссис Бакстер стремительно наливалось краснотой. Вскоре она стала похожа на огромный злобный помидор.

– Не смей перечить мне в моём кабинете! – рыкнула директриса, а потом глубоко вздохнула и продолжила уже спокойнее: – Ты должна понимать, что подвергла опасности жизнь и здоровье животного, и тебе нет оправдания.

– Прошу прощения, миссис Бакстер, но я не подвергала её опасности, скорее, наоборот. Кало было очень плохо в клетке. Она хотела на волю, хотела вернуться к своей семье!

Миссис Бакстер недоверчиво уставилась на Эви.

– И откуда же, позволь спросить, ты это узнала? Ты что, умеешь читать мысли кроликов? Эви запаниковала.

– Нет. Разумеется, нет. Это ведь... невозможно. Я просто представила, каково это – целый день сидеть в тесной клетке...

Директриса устало потёрла виски, потом выдвинула ящик стола и принялась в нём копаться, приговаривая: «Таблетки от головной боли, где же они?..» Наконец она нашла таблетки, выпила сразу две и одним глотком осушила чашку с ромашковым чаем.

– А я ведь едва не стала актрисой. Ты не знала? – спросила директриса. – Я была буквально в шаге от этого. Могла бы играть Титанию в пьесе «Сон в летнюю ночь» в Королевском шекспировском театре. Но вместо этого торчу в Лофтинге и разбираюсь с одиннадцатилетней воровкой кроликов!

– Я не крала Кало, я её отпустила, – снова попыталась объяснить Эви, но тут в дверь постучали.

– Что ж, возможно, твой папа поможет нам разобраться.

– Нет, пожалуйста, только не звоните папе. Прошу вас!

Миссис Бакстер злобно усмехнулась.

– Слишком поздно.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл папа. Он был бледным и сосредоточенным. Эви захотелось превратиться в кролика и спрятаться в глубокую норку.

– Миссис Бакстер, я прошу прощения за то, что натворила Эви, – сказал папа, опускаясь на стул рядом с дочерью. – Такого раньше никогда не случалось. И не случится, я вам обещаю! Я прекрасно понимаю, что в вашей школе такое поведение недопустимо. Вы потрясающая директриса.

– Вы совершенно правы, мистер Тренч, – важно кивнула миссис Бакстер. – За всю историю начальной школы города Лофтинга ни один ученик не крал кроликов. И впредь такого не повторится, потому что мы не можем позволить себе покупать новых кроликов на замену украденным.

Эви знала, что нужно сидеть тише воды, ниже травы, но промолчать было выше её сил.

– Папа, я не украла Кало, а выпустила её на волю.

Папа повернулся к ней и сказал очень тихо и жёстко:

– Эви, неважно, что именно ты сделала: украла кролика или устроила ему побег. Ты взяла его без разрешения, и это было невероятно глупо с твоей стороны.

Затем он снова обратился к миссис Бакстер:

– Ещё раз прошу прощения. Разумеется, я компенсирую вам все затраты на кролика и заплачу сколько нужно. И, можете не сомневаться, Эви будет наказана. Я заставлю её тысячу раз написать «Я НЕ ДОЛЖНА ВЫПУСКАТЬ КРОЛИКОВ ИЗ КЛЕТКИ» и лишу карманных денег. На целый год.

Эви от удивления раскрыла рот. Сейчас ей как никогда сильно хотелось прочесть папины мысли. Она, конечно, подозревала, что из-за кролика у неё будут неприятности, но даже вообразить не могла, что папа разозлится до такой степени.

Похоже, директрису суровая папина речь тоже впечатлила.

– Вижу, мистер Тренч, вы осознаёте всю серьёзность случившегося.

– Поверьте, осознаю. Вам не о чем беспокоиться, миссис Бакстер.

– Боюсь, всё не так просто, мистер Тренч. Видите ли, на следующей неделе мы ждём школьную инспекцию, и вопрос о кролике неизбежно всплывёт. Мы должны будем показать, что не даём спуску нарушителям порядка. Так что Эви придётся подыскать другую школу.

Вид у папы сделался такой, будто он вот-вот заплачет.

– Вы хотите её исключить?

– У меня нет выбора.

И тут Эви кое-что вспомнила.

– Простите, – сказала она, – но как вы думаете, инспекторам будет интересно узнать, где вы взяли этого кролика?

Настал черёд миссис Бакстер побледнеть.

– О чём ты говоришь?

Сердце Эви колотилось как сумасшедшее. Папа очень расстроится и разозлится, если её исключат. А значит, нужно срочно что-то предпринять.

– Кое-кто видел, как вы забрали крольчиху из леса. Думаю, это незаконно, – как можно спокойнее проговорила Эви. И на всякий случай не стала уточнять, что «кое-кто» – это другие кролики.

Ноздри миссис Бакстер раздулись от ярости, но директриса не сразу нашлась что ответить.

– Я... я... Да ты хоть представляешь, как сложно уложиться в школьный бюджет? Я вынуждена на чём-то экономить!

– Надеюсь, инспекторам понравится такое объяснение, – сказала Эви.

– Или... – вмешался папа, – мы можем просто сделать вид, что ничего не случилось.

В кабинете повисла тишина. Миссис Бакстер смотрела на Эви. Папа тоже смотрел на Эви. А Эви смотрела на свои туфли.

Наконец миссис Бакстер нарушила молчание.

– Что ж, в таком случае не смею вас больше задерживать. Можете идти.

Папа Эви благодарно улыбнулся.

– Спасибо, миссис Бакстер. Эви, скажи «спасибо». Ведь ты благодарна миссис Бакстер за её доброту?

Эви выдавила из себя тихое «спасибо». Ещё ни одно слово не давалось ей так тяжело.

А мистер Тренч тем временем встретился взглядом с директрисой и сказал то, что давно собирался.

– Могу я кое о чём вас попросить, миссис Бакстер?

– Конечно. – Вид у директрисы был по-прежнему суровый, но голос слегка смягчился.

– Я подумал, можем ли мы сделать так, чтобы случившееся осталось между нами? Ведь у вашей школы прекрасная репутация. И будет прискорбно, если она испортится из-за какого-то недоразумения.

Миссис Бакстер глубоко вздохнула, словно сдерживая слова, которые собиралась произнести.

– Вы правы. Эта история не выйдет за порог моего кабинета. Иначе люди начнут задавать вопросы, а нам это ни к чему. Но ещё один подобный проступок – и вам придётся забрать из школы свою проблемную дочь. Надеюсь, вы меня поняли.

Папа улыбнулся, встал и почти *поклонился* миссис Бакстер.

– На сто процентов, – ответил он, и в коридоре зазвенел звонок. А папа повернулся к Эви и сказал строгим голосом: – А нам пора домой.

Имя из сна

В машине Эви попыталась определить, как сильно папа сердится на самом деле. Он точно сердился, но, возможно, чуть меньше, чем хотел показать миссис Бакстер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.